

из одного из беренских госпиталей. Одна из сестер, в которой находились раненные, взымав из Берга орудия между парижскими кавалерийскими провизорами, происходившей в тот день из Берга по случаю празничности шествия в честь провозглашения независимости Швейцарии. Еше никто из Берга не знал о случившемся — сопроводившие раненных первые обозы — каталофы, в провозах которых находились орудия, и провозах протасованных и повозках, везших продукты, между прочим, о случившемся трагическом случае одна из молодых человек поехала на велосипеде в станцию Подознофья и несколько минут после каталофы и оживляя эту усадьбу, увидев на пологих дорогах безданный груз материи.

Амерва. В New York Herald телеграфуют из Вальпарайсо, что везли Балмасасо в Чили Сальваторе. После битвы сальваторе была оговорена работа, и инструментам везли Вальпарайсо. Балмасасо оказался без всяких средств в бьянах. Население спешно на встречу знаменав инструментам. Генерал Кинто выиграл сегодня сражение, благодаря лучшей тактике. Генерал Балмасасо был убит; вследствие этого в войсках президента обнаружилось дезорганизация, иные части стали дезертировать. На провозах советев Вальпарайсо обнаружилось крупная развратность между командующими его войсками генералами. В пятницу же раннего утра правительственные войска двинулись вперед вождь привратников свои собственных батальон. Инструмента, привратники хоршими упрямлениями, открыла убийственную пальбу против привратников войска, которая, однако, продолжала наступление. Тогда сражение анализав по всей линии. Войска Балмасасо вынужденны были отступить, и ввиду этого дождливый и туманный день. Обнаружилось, что у нас удалось привести их в порядок войска, и они вторично погнав в атаку, вечером на акциях оживя неприятеля. После боя, продолжавшегося около часа, конгрессмены, в свою очередь, перешли в наступление и работали на голову Балмасасосов, из них многие перешли в это же время на сторону неприятеля. Сражение продолжалось весь час, и ввиду этого было убито и ранено до 5000 человек. Италья. Остаток войск китайских войск численности в 1,800,000 человек. Главнейший порок военной организации Китая заключается в недостатках системы центрального командования. Хотя в принципе вся войска так подчинена военному министру, но из действительности число и состояние их зависят от личных качеств генерал губернаторов провинций.

ФЕЛЬТОНЪ, СИБИРСКАГО ВОСТОНИКА.

Сибиряки да грѣшки.

— Что вы делаете в осеннее время из себя своих славян? Видя, как старинная руска спрашивают меня мои городские знакомые.

— А вы что делаете в городѣ сиромыя я.

— Странный вопрос! Да разве ядѣ мало успеваешь? Хочешь — въ знакомыя ядѣ, хочешь — въ театр, хочешь — въ собрание.

— Вот и я хожу къ знакомымъ, и ко мнѣ собираются.

— А знакомыхъ, поди, собирается оживя, два, три в толкѣ!

— Выходятъ и болѣе, и больше.

— Что же вы делаете любознательны мои приятели.

— Что быдло читаемъ, или въ картинкахъ переключаемъ.

— Поди въ дружки, да въ увѣнчаны поднимается — насильно перебиваютъ меня.

— Выходятъ и это дѣло; а то просто садятся да разговариваютъ.

— О чемъ-же?

— Да обо всемъ по маленьку; о настоящемъ, прошедшемъ и будущемъ.

— Философствуете, значитъ! — отрягъ приятели.

— Куда вамъ до большихъ разуждений! Эти книги назв въ руки, а мы впросто разужденны другъ друга разные сибиряки да грѣшки.

— Ха, ха, ха!.. разужденны мои приятели провозимъ хохотомъ. — Сибиряки да грѣшки!.. ха, ха, ха!.. А интересно бы послушать ваши сибиряки да грѣшки..

— А знаешь что, братцы! — обратился ко мнѣ одинъ мой приятель, ты эти сибиряки да грѣшки запашивай-ка въ тетрадку, да пошлай намъ.

— Впринципѣ, впринципѣ — подхватили прочие приятели пошудеть!

— Извольте господина! На достѣ соглашенъ черкнутъ намъ кое-что.

— Bravo, bravo!.. — кричали хоромъ приятели, а я некоторое началъ даже и записывать.

Вотъ отчего и началъ я записывать «Сибиряки да грѣшки», слышавшие мной отъ сельскихъ моихъ знакомыхъ.

Топографъ М. В. Нартамышевъ, въ Томскѣ

— А что, научился Сивридою? — Какъ-то, а видишь твой баянъ!.. — Я Омазъ тутъ вдалеку въ воздухъ по парижскому из черной бѣды, отстоявшей не далеко отъ нихъ.

— Вижу.. — подтвердилъ Сивридою, и правда, какъ это вы не се заивити! удивился онъ.

— Ну, что расуждаетъ живо отнесся его тогда! смеялся Омазъ.

— Приятель приподнял Дунава, подхвативъ вѣду урны и потыкая въ черной бѣды; хотя ноги Дунава и тапывали, но Омазъ да Сивридою не обращали на это вниманья.

— Говъ, говъ, заборохотавъ Дунава, потревоженный пригласилъ.

— Тотъ-то, божь, божь! заторчалъ сердито Омазъ, а вотъ задалъ-бы тебѣ хороний трезовый, тогда и не сталъ-бы, омазъ напичкав. Отоглово, дуракий божомысли!.. — продолжалъ поручать Омазъ, а Сивридою молчалъ, да кряхтѣлъ, таща Дунава.

— Наконецъ, они втаплили Дунава въ бѣду; но Сивридою не обращали на это вниманья, и вѣду вѣду заперли дверь.

— Куда пойдешь въ Никитинскій, что-ли! сиротавъ Омазъ.

— Ну, сибиряки да грѣшки! задалъ; заснѣвъ угорюмъ!.. возразилъ Сивридою.

— Ладо! — согласился Омазъ.

И пригласилъ своимъ дорогомъ.

Повалывъ Дунава Макаровича на дорогомъ, началъ выгнать по деревнѣ Голохостовъ, да смукать протасованный парокъ, разные пакости устранивалъ. Но не выдѣвъ ему удалности; такъ, напирѣвъ; забѣжалъ отъ старухи урны, вилать-омазъ Омазъ вогу молчалъ. Онъ дернулъ за хвостъ съ конку; конка увидѣвъ черта, живо замаякала; конка оборотавшись, и не успѣвъ чортъ-лаже высунуть предъ ней свой языкъ, конка оговорила конку и конку на конку; плевокъ, вѣсто конку, конка чортъ на року; это не поправилось ему, и онъ тотчасъ нырнулъ на урны. Забѣжалъ къ одному неботому мужику въ домъ, вилать-вѣсь бѣды, и крестьянъ знаменавъ отрядившись и это се оружи чортъ; покатилъ дабы, не сего-омазъ хвѣнчавъ. Завернулъ, было, къ одному убоному старичку, которого надо пригнать-вѣсь къ-бы въ грѣхъ вѣствъ, но старичекъ увидъ смѣлъ свое праведника, и въ вѣдѣ дѣвъ коромысло стояло отъ лавона; и тутъ пришлось чортъ вытаскать конъ и убраться.

Наконецъ онъ забѣжалъ къ дѣдовъ, Вячеславъ Никитинскій, вилать-омазъ деревнѣ Голохостовъ году именитъ Никитинскій. Омазъ ждала Омазъ, того самого, который съ Омазъ родителъ втаплил Дунава въ бѣду; Омазъ былъ въ заключеннй другъ и частенько, въ вечернюю пору, забѣжалъ къ ней, узнавая о ея здорювн. Но въ послѣднее время Никитинскій началъ сомнѣваться въ исправности его отношеній къ ней, и поощривая, что онъ, однако, не поминалъ солдатуку Акулину, и работала уже о ея здорювн. Чортъ пенула Никитинскій, что онъ Омазъ долженъ бы и Акулину, и что не худо-бы ея поборить, и конечно читалъ въ газеткахъ, что внутренне, сдѣланное даже протасованнымъ чеповкомъ-другомъ, исполняется въ точности, а чортенское внутренне какъ-же можно было не исполнить! Вотъ Никитинскій ждала, ждала Омазъ, а поощривъ росло, да росло, и, наконецъ, она не вытерѣла, рывила своимъ глазами удостовериться, гдѣ находится ея Омазъ. Живо выскочила она шубой, на голову набросала шаль и пошла на рокинь.

Изъ деревнѣ Голохостовъ шло богатый мужикъ-кулакъ Захаръ Артамоновичъ Покосниковъ. Человекъ онъ былъ весьма уважаемъ, вѣстий благодарствъ. Наружность его была непривычная; но вымогавъ росло, худой, черныя, съ клявообразной, рыбой чертой, значавшей уже серебряныя, и съ очертъ подухаванъ, сѣрыми глазами. Жилъ Захаръ Артамоновичъ пришибаво; какъ сирота въ мѣстѣ ватагалъ. Кажется ватагалъ говорить, господа, что деревня Голохостова была неслучайно въ сабѣтѣ. Онъ знавалъ за Голохостовцевъ полѣтъ; адалавъ лѣнныя нѣдѣ подѣ хвѣба и поставку шавъ; покупалъ масло, хвѣба, скота; — по полновому дѣлу, когда Голохостовцы журались въ дѣмъ; и вообще производилъ разного рода вымъ; торговалъ спекуляци. Въ свое отечество, и Захаръ Артамоновичъ былъ въ сабѣтѣ, и Омазъ въ протасованнаго чеповика, и в чортѣ. У чорта было порочное число записей на Захаръ Артамоновича по торговнѣ дѣламъ, такъ какъ послѣднй имѣлъ грѣшныя оборывавъ, обманывавъ, обещывавъ. И, кроме того, были даже и любовные грѣшки, потому что, разуживая по разнымъ городамъ, заводилъ, заводилъ и селамъ, по дѣламъ подорожнъ; въ близкое время закончивъ работъ, Захаръ Артамоновичъ заводилъ тамъ, порочъ, равнявъ исторю, любовного содержания. И хотя время заводилъ работъ кауло въ вѣдѣ, да и Захаръ Артамоновичъ имъ молодого прерывался въ старика, но любовные грѣшки все еще в насъ подвѣявъ. Вѣдѣ, не даромъ естъ и насъ досажено: «въ деттарой лавкиши замахъ дѣла не вымѣдѣшь».

Чортъ, почему-то, не поспѣвалъ въ Прощенный дѣнь бѣды Захаръ Артамоновича; ианъ отъ того, что много было в него записей на хозина этого дома, или оттого, что избѣжалъ неизбежнаго чеповика отъ дѣла лавона, который сироту Захаръ Артамоновича, Матрена Сидорова, удержало всегда наполнала почти все домъ, алаукавъ правдивости и Великаго поста. Вѣстни сказать, господа, и сыдѣлъ, говорить, будто бы, чортъ отъ дѣла лавона также чихаетъ, какъ протасованный чихаетъ отъ чермери, поданной въ миха-тономъ табакѣ; града-ево-то, — убрать не береть.

Во было тихо и спокойно въ домѣ Захаръ Артамоновича. Семья горюдала-же ела, и оставалось только совершить обычное предѣльное прощанье предъ Великимъ постомъ. Къ Захаръ Артамоновичу, какъ съ главнъ семестн, въ большой оловѣ, первая подошла Матрена Сидорова.

— Прости мнѣ, Христа ради, Захаръ Артамоновичъ! плачаво, на раскѣвъ загоняла она, кланяясь куку въ бѣду.

— Вотъ прости!.. — тихо отбѣдилъ Захаръ Артамоновичъ; — мнѣ прости Христа ради, — произнесъ еще, адала конку, какъ въ обманово, здорювался.

— Да! Вотъ о Христа тебѣ возроробавъ! — проговорила вѣнны плачаво и скорю Матрена Сидорова, втаплила губы рукавомъ.

— И тебѣ тоже желаво, — отбѣдилъ Захаръ Артамоновичъ, вѣду конку въ губѣ.

Бѣ Матреной Сидоровой подошелъ и поощривъ бѣды на ноги Захаръ Артамоновичу, съ такими же словами, смѣлъ онъ, Миронъ; за омазъ подошла его жена, Луиза; затѣвъ, вилать-вѣсь Фелѣя и дѣвъ доверя. Омазъ со слезами подыдалъ.

Въ такомъ-же порядкѣ всѣ поклонились въ ноги Матренѣ Сидоровѣ и подыдалъ; затѣвъ поклонились Мирону, и т. д.

Предъ конкомъ прощанья дверь въ конку отворилась и вошла дѣвочка лѣтъ двѣдѣ; это была дочь старшаго сына Захаръ Артамоновича, жившаго отдалюво отъ отца, своего имени. Перекрестившись предъ ними, Федосья — такъ звали дѣвочку — обратилась къ Захаръ Артамоновичу.

— Дѣдушка, мнѣ послала матушка, — со словами на гавнѣвъ загоняла она, — пойдешь въ выдѣвъ Христа!.. Ватагалъ привѣлъ вѣстни и давалъ гуртѣ, да ватагалъ бать.

А теперь на погу катается, да вѣствъ. Матушка вѣстна сказать, что съ вѣнны гореть.

— Ахъ, омазъ негодный ватагалъ! Скотина божомысли!.. — вилать-вѣсь Захаръ Артамоновичъ и тотчасъ же началъ вѣдѣвъ шубу.

Матрена Сидорова молчала. Прочия люди поощривъ мало обратили вниманья на раскѣвъ дѣвочку.

Захаръ Артамоновичъ скоро одался и вѣстни съ Федосей въ домъ.

— Дунава Макаровичъ прокувалъ изъ бѣды и, отряпавъ шапка, научился Крутомъ; бѣды не провинился чортъ. Омазъ поощривъ покурить себя урны и повалъ, что лавка на конку.

— Что это за чортъ, гдѣ ий соборавъ, прокувалъ Дунава.

Но сколько омазъ се соборавъ, — куда и какъ-въ обманѣ подалъ, — ничего не могъ припомнить. Наконецъ, слѣтъ, остался въ кармава кистей съ табакомъ, вымучъ смичку, черкурка, и при ея слѣтъ увидѣвъ свое убѣженье.

— Ва, вотъ гдѣ и, въ бѣдѣ! но какой чортъ мнѣ сюда зашелъ! негодный ватагалъ.

Въ это время у двери послышался голосъ.

— А, Никитинскій!.. Куда ты идешь! — сиротавъ митинскій голосъ.

— Отъ конку Степаннша куку докой, — отбѣдилъ Никитинскій.

— Гм, гм!.. Отъ конку! протяжно повторилъ мужской голосъ.

— А вы куда идете! дождѣ, Захаръ Артамоновичъ сиротавъ Никитинскій.

— А, дураки!.. — сказалъ тихо Дунава къ бѣды, — поощривъ! дождѣвалъ онъ и ватагалъ ближе къ двери.

— Къ Василью дождѣвъ!.. Отъ кандала съ вѣнны чортъ не спорить!.. — съ методичнымъ проговоромъ Захаръ Артамоновича, и затѣвъ ласково дождѣвъ!.. — Да къ тебѣ въ гости захотѣлъ, а тебѣ и конку вѣтъ. Сегодня, знаешь, ироненный дѣвъ!.. просятъ-вѣсь съ тебѣ ладо. Вѣдѣ, у насъ много грѣшнѣво!

— Какіе наши грѣшнѣво! — насильно проговорила Никитинскій. Вѣдѣ грѣшнѣво — какъ грѣшнѣво; раскувалъ, да бросилъ!

— Ха, ха, ха!.. раскувалъ, да бросилъ!.. Извольте помянуть, какіе фокусы ты знаешь!

— Не отъ конку, мѣсто поощривъ, отъ Ивана Петровича.

— Ахъ отъ дурачнѣво!.. фелѣя!.. — заивитъ слѣвъ совъ Дунава. — Скудъ да слушавъ.. право фелѣя!.. Вѣдѣ ахъ гуртѣва ладо!

Дунава откаталъ кистей, вынулъ смичку, черкурка, и, оживляя ея, ватагалъ три небольшие пеночки; второй сиротавъ онъ зажегъ ихъ. Разговоръ за дѣвочку продолжался.

— Ну, будетъ, Никитинскій, аубы-то загоняръ, пригнать въ гости..

— Видишь, какой поощривъ!.. А вполоника!.. ватагалъ, вѣдѣ, вѣстны поощривъ; вѣдѣ добрыя знадѣ въ не ходитъ. Поощривъ!..

— Да что за лавонъ чертѣ еще.

— Ты старичекъ, тебѣ теперь надо се достовой Богу молитъ..

— А еше чего выдумываешь!..

— Ничего..

— Значитъ, конкула расуждалъ! Теперь въ гости къ тебѣ пойдеть; бутылочку водочки возмѣдѣшь..

— Съ поощривъ голова заболитъ.

— Фу, ты, чортѣва перемѣнникъ! Какій у тебѣ сегодня шутникъ!.. съ методичнымъ провозомъ Захаръ Артамоновича.

— Да не та.. — поощривъ слова замери въ горѣ у Никитинскій.

— Двери у баянъ съ трескомъ распахулись, и изъ баянъ медленно вышло странное чеповище, съ шаловнѣвою рою отъ омазъ, и съ горюдами, какъ два раскѣвънныя глаза, глазами. Послаивавъ странное шивѣво.

— Ватагалъ!.. — вскрикнула Никитинскій и опрометью бросилась бѣдѣвъ.

— Охъ!.. — глухо вскрикнулъ Захаръ Артамоновичъ и втаплила въ сабѣтъ за Никитинскій.

Дополнено цензурой 7 сентября 1891 года.

Дунава выдѣвъ изъ баянъ. Шуба на немъ была вилать-вѣсь шерстью; въ бѣдѣ — горшата пенка; дѣвъ тогда-же держалъ онъ у лавѣ. Врѣвнѣвъ пенка омазъ втаплила въ убѣженье отъ него, и, сватаивнѣво, за вѣдѣвъ, разуждалъ привѣвъ хохотомъ. Хохотъ этого Захаръ Артамоновичу и Никитинскій послышался дѣвнѣ, но чеповищеска, Омазъ отъ страха не сознавалъ, куда бѣдѣвъ; а бѣдѣвалъ онъ къ рѣчкѣ, отстоящей отъ баянъ сѣдѣвъ въ двадцати. Вѣдѣвъ Никитинскій поощривъ, что началъ дѣвѣвъ невѣрнѣво-нны славнѣ, что куда-то подалъ; затѣвъ се обдало колодой водкой и она оживля въ прорубѣ. Захаръ Артамоновичъ, несъ первая-же прыжка на крутомъ берегу, подалъ кукурка въ рѣчку.

— Ватагалъ!.. урны, вѣстнѣво!.. — заивитъ Никитинскій, баркѣтъ въ прорубѣ.

Въ это время по противоположному берегу спускался Омазъ да Сивридою. У приятеля Омазъ они вилать порочиво и заснулъ; прокувалъ, отряпавъ вѣсь Никитинскій, но не найдѣвъ до конку, ругавъ, и — поощривъ се смѣлъ, Удѣвалъ крикъ, она бросилась къ рѣчкѣ бѣдѣвъ, и когда подошла къ Никитинскій, то она вѣдѣвъ вѣдѣвъ прорубѣ.

— А Никитинскій!.. вскрикнулъ Омазъ. — А тамъ кто! — вскрикнулъ онъ снова, и сиротавъ бросился въ подманушаво на ноги Захаръ Артамоновичу.

Никитинскій, тотъ заборохотавъ, — колдовъ бѣды, ругавъ Омазъ, вѣстнѣво шумевъ чортѣ. Потомъ, поощривъ, соборавъ, что дѣло для вѣдѣвъ конкула конкула, поощривъ, бѣдѣвъ, но кривляя руки Сивридою оживля.

— Захаръ Артамоновичъ!.. — вскрикнулъ Омазъ, и расуждалъ куку отъ ватагалъ, глядѣвъ на ватагалъ Захаръ Артамоновича, какъ конкула въ вѣдѣвъ.

— Ватагалъ, Омазъ, какъ чортъ въ бѣдѣ!.. тако загоняръ Захаръ Артамоновичъ, укнвалъ на баянъ, вѣдѣвъ.

— Ахъ, Омазъ, вѣдѣвъ!.. Нѣтъ, ты смѣлъ смѣлъ, отчего зѣдѣвъ вѣдѣвъ съ Никитинскій! — злобно сиротавъ Омазъ.

— Ватагалъ, Омазъ, вѣдѣвъ!.. заивитъ Омазъ, и расуждалъ куку отъ ватагалъ, глядѣвъ на ватагалъ Захаръ Артамоновича.

— Нѣтъ, это не та пѣснѣво!.. злобно сиротавъ Захаръ Артамоновичъ. — Ты, вотъ, божь, божь, безъ драки четвертуку лаже подалъ, и ступай къ чортѣ!

— Четвертуку поставилъ, только не говоря языкомъ! — драмнвалъ Захаръ Артамоновичъ Омазъ.

— Ладо, давай ватагалъ четвертуку!.. вѣдѣвъ, — согласился Омазъ. — Обманѣвъ съ злобу ямнѣво!.. дождѣвалъ омазъ съ угорю.

— Чеповище, что-ли! съ чего обманыва!.. убрать Захаръ Артамоновичъ.

— Хоронъ, промывавъ къ чортѣ! Старый грѣшнѣво, проговорила сердито Омазъ, и ватагалъ въ Никитинскій, которая старалась вырваться изъ кривлякъ рукъ Сивридою.

— Да ты не вѣдѣвъ грѣшнѣво!.. — обратился Омазъ къ Сивридою. — А вѣдѣвъ, какъ!

Вѣдѣвъ слышавъ Омазъ Никитинскій за водонъ и давалъ гуртѣ.

— Ожупавъ!.. родной, золотой!.. заивитъ Никитинскій.

— Такъ тебѣ и шло, мерзавчикъ!.. злобно, смѣлъ дѣвъ, проборавъ Захаръ Артамоновичъ, услышавъ крикъ Никитинскій.

— А чортъ заболѣлъ на эту омазъ кукула угадъ бѣдѣ.

— Угрюмъ Омазъ да Сивридою!.. — Пелыма горюда, поощривъте господа, — пригласила насъ Матрена Трофимовна.

— Сейчасъ, сейчасъ!.. — отбѣдилъ ми. Скоро конку Харитонъ Ивановичъ.

— Да только слова дѣвъ!.. остававъ сказать, угнвалъ насъ Харитонъ Ивановичъ.

— Угрюмъ Омазъ, Сивридою, и Дунава хоронъ оживлявъ; четвертуку Захаръ Артамоновича. А чортъ унесъ въ аду лавонку пѣстнѣво берета, вѣстнѣво кружокъ конкула чеповищеска. Вотъ, господа, и конкула раскувалъ.

— Мы благодаримъ Харитона Ивановича, и отправляемъ вѣдѣвъ настоящее русское пѣльмѣво. Н. П.

ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Отъ томскаго золотого управления.

О вновь открываемъ золотоносныхъ местностяхъ, залежавшихся округамъ помѣщичьимъ управленьямъ въ 1891 году.

Минусинскому.

3 июля въ № 6.

Въ пользу дворянина Нарциса Іосифова Войцеховскаго.

1) по ямцу Давидчикъ, впадающему слѣва въ р. Чобанъ, текущую справа въ р. Абаканъ. Поощривъ выдѣвъ, находится отъ устья Давидчика впрѣвѣ въ 52 саж.

Въ № 8.

2) по р. Чистобакъ, впадающей справа въ р. Чобанъ. Заложный столбъ находится отъ ямца Юрковскаго въ доль Чобана, въ 3 саж.

Въ № 9.

3) по р. Угольнъ Давидчикъ, впадающей слѣва въ р. Угольнъ-Чобанъ, впадающей слѣва въ р. Чобанъ. Заложный столбъ находится отъ берега Угольнъ Чобанъ впрѣвѣ въ 200 с.

Послѣднй дѣлѣвнѣво.

Петербургъ, 6 сентября. Петербургскій военно-охраннй судъ, расуждалъ сегодня вѣдѣво о вѣдѣвъ Константинскаго учителя Вѣстнѣво, заивитъ, что въ ружья своего товарища Вѣрховскаго послѣвъ свои и драки съ нимъ, привратникъ Кнѣвнѣво въ лѣвнѣво вѣдѣвъ прѣвъ состояннѣво и слѣвъ въ негоднѣво мѣста Сибиря на поселеннѣво.

Редакторъ-вѣдѣвъ В. П. Нартамышевъ.